

МИМОХОДОМЪ.

Нѣчто о Тертій Ивановичѣ Филипповѣ.

Въ 70-мъ году прошедшаго столѣтія я состоялъ на службѣ въ центральномъ управленіи государственнаго контроля и завѣдывалъ особымъ отдѣломъ при временной ревизіонной комиссіи. Управляющимъ этою комиссіей былъ Мих. Николаевичъ Островскій, которому я непосредственно былъ подчиненъ, а помощникомъ его состоялъ Тертій Ивановичъ Филипповъ.

Для занятій мнѣ былъ предоставленъ небольшой столъ въ той же залѣ совѣта, въ которой за длиннымъ столомъ занимался Тертій Ивановичъ. Такимъ образомъ совмѣстныя занятія и ежедневныя свиданія дали мнѣ возможность до нѣкоторой степени присмотрѣться къ этому человѣку, занявшему впоследствии постъ государственнаго контролера.

На службу Тертій Ивановичъ являлся почти всегда въ половинѣ перваго бодрый, цвѣтущій и привѣтливый со всѣми, кто попадался ему по пути къ совѣтской залѣ, привѣтливый со мною и съ тѣми ревизорами, которыхъ онъ вызывалъ *первыми* для дѣловыхъ объясненій.

Здѣсь необходимо упомянуть, что Тертій Ивановичъ былъ отличный стилистъ и ревниво оберегалъ чистоту русскаго языка: гдѣ только возможно было устранить иностранное слово, хотя бы и получившее право гражданства, онъ непремѣнно замѣнялъ его русскимъ выраженіемъ; всѣ эти, излюбленныя нѣкоторыми чиновниками, выраженія: превалировать, констатировать, резюмировать и проч., — рѣшительно вычеркивались.

Но, сознавая, что эти замѣны и исправленія не всегда могли быть удачны, онъ нерѣдко просилъ ревизоровъ обратить вниманіе— „не измѣнился ли смыслъ отъ его поправокъ“.

Однако же такое ровное и спокойное состояніе духа Тертія Ивановича довольно часто нарушалось однимъ совершенно особеннымъ обстоятельствомъ. Извѣстно, что Тертій Ив. былъ горячій славянофилъ и широко покровительствовалъ славянамъ, проживающимъ въ Петербургѣ и обращающимся къ нему съ просьбами о матеріальной помощи или являвшимся по инымъ причинамъ. Въ числѣ послѣднихъ нерѣдко приходилъ какой-то братъ-славянинъ, высокій, сухощавый, плохо одѣтый, смуглый съ орлинымъ носомъ и недобрыми глазами, и начиналъ тихую бесѣду съ Тертіемъ Ивановичемъ. Въ первый же разъ, чтобъ не стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ, я хотѣлъ выйти изъ залы, но Тертій Ив. любезно остановилъ меня, сказавъ, что у него съ этимъ посѣтителемъ нѣтъ секретовъ и что разговариваютъ они тихо, собственно не желая мѣшать моимъ занятіямъ.

Свиданія съ братомъ-славяниномъ не ограничивались однако же только тайственными бесѣдами; чрезъ нѣсколько минутъ онъ вынималъ изъ кармана небольшую коробочку и доставалъ изъ нея не то облатку, не то пилюлю, которую Тертій Ив. быстро и съ видимымъ отвращеніемъ проглатывалъ, запивая водой; послѣ чего славянинъ уходилъ, получивъ щедрый гонораръ.

Дѣйствіе проглоченнаго Тертіемъ Ив. снадобья обнаруживалось уже минутъ чрезъ 30—40: лицо сильно краснѣло, на лбу появлялись крупныя капли пота, и благодушное настроеніе его исчезало; онъ становился раздражительнымъ, придиричьвымъ и даже грубымъ. Конечно, все это тяжело отражалось на тѣхъ ревизорахъ, которые имѣли несчастье быть вызванными въ залу совѣта послѣ посѣщенія славянина. Тертій Ив. сурово критиковалъ ихъ доклады, нападавая главнымъ образомъ на приведенные въ нихъ мотивы, на нелогическое построеніе, повторяемость, скомканность и проч.

Всѣ терпѣливо переносили эти волненія и шероховатости, зная источникъ ихъ происхожденія, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій день Тертій Ив. обыкновенно добродушно извинялся, говоря: кажется, вчера я сказалъ вамъ что-то непріятное?— вы меня извините, страшно разыгралась мигрень, и я очень нехорошо себя чувствовалъ.

Скоро для всѣхъ стало очевидно, что здоровье Тертія Ивановича разстраивается: онъ поблѣднѣлъ, сдѣлался вялымъ, безучастнымъ, иногда жаловался на какую-то непонятную забывчивость, слабость зрѣнія и проч. Дальнѣйшее лѣченіе брата-славянина, вѣроятно, привело бы къ печальной развязкѣ, если бы къ счастью не выручилъ пріѣхавшій изъ Кіева, бывшій тамъ управляющимъ контрольною палатой, В. В. Борисовъ, товарищъ Тертія Ив. по Московскому университету и большой его другъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что Борисовъ по образованію былъ врачъ и даже докторъ медицины, но онъ по слабости здоровья оставилъ врачебную практику и поступилъ на службу въ государственный контроль.

Выяснивъ предварительно съ возможною подробностію все, что происходило съ Тертіемъ Ивановичемъ, и издавна зная, что ничѣмъ такъ нельзя отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей, какъ — заведя разговоръ о какомъ-либо филологическомъ вопросѣ, Борисовъ съ такимъ планомъ отправился въ совѣтскую залу и вошелъ туда безъ доклада. Хотя такое нарушение установленнаго порядка считалось вообще недопустимымъ, но Тертій Ив. не выразилъ никакого неудовольствія, напротивъ, съ искренней радостію привѣтствовалъ стараго товарища: „какими судьбами? надолго ли, какъ здоровы?“ и проч. Когда первые моменты свиданія прошли, Борисовъ сказалъ:

„А я вѣдь несовсѣмъ безкорыстно являюсь къ тебѣ, а съ расчетомъ, что ты pomoжешь мнѣ разобраться въ слѣдующемъ вопросѣ. Давно уже у меня съ нашими ревизорами идетъ споръ о томъ, какъ нужно писать слова: „лѣкаръ, лѣченіе и проч., или лекарь, леченіе?—и, какъ водится, обѣ стороны остаются при своемъ. Однако же у ревизоровъ есть хоть какой-нибудь мотивъ: они утверждаютъ, что слово „лечить“ происходитъ отъ слова „легкій“, откуда—леченіе, т. е. облегченіе. Для меня это неубѣдительно, но съ своей стороны я не могу представить доказательствъ противнаго“.

Съ большою охотой Тертій Ив. выразилъ готовность разъяснить возбужденный Борисовымъ вопросъ. Онъ сказалъ:

„Слово лѣкаръ имѣетъ свою исторію. Извѣстно, что въ прежнее время въ Россіи не было ученыхъ врачей, не было также и аптекъ ¹⁾. Какъ простой народъ, такъ и высшіе классы пользовались услугами знахарей, людей невѣжествен-

¹⁾ Первая аптека прислана была въ подарокъ королевою Англій Елисаветой вел. кн. Ивану IV.

ныхъ, приносившихъ своими снадобьями больше вреда, чѣмъ пользы. Первый обратилъ на это вниманіе великій князь Борисъ Годуновъ. Онъ пригласилъ въ Россію иностранныхъ врачей, преимущественно шведовъ, которые, по тогдашнему состоянію медицинской науки и при отсутствіи аптекъ, лѣчили собственными лѣкарствами, состоявшими почти исключительно изъ разныхъ травъ, подобно тому, вѣроятно, какъ и въ наше время лѣчитъ извѣстный Бадмаевъ по правиламъ тибетской медицины. Но упомянутые врачи, не зная русскаго языка, при выдачѣ лѣкарствъ говорили: „Lika, lika, likage“, что по-шведски значить: принимать одинаково, провѣренная мѣра (доза). Съ своей стороны больные и вообще народъ, не понимая значенія этихъ словъ, прозвали лицъ, дававшихъ lika, лѣкарями, а likage—лѣкарствомъ“.

„Производитъ же это слово отъ „легкій“ и писать лекарь, леченіе (чрезъ е) вполнѣ неосновательно, такъ какъ въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя происходятъ отъ корня „lei“, безусловно вездѣ удерживается звукъ i, а именно:

легкій	леگونькій
легокъ	легченіе (castration, emasculation)
легкое	легчить (alléger, châtrer (un animal)
легковатый	легчать (devenir plus léger, diminuer)
легковой (извощикъ)	легкувъ (кастратъ, меринъ въ Малор.)
легкость	легкорь (коновалъ въ Малорос.)
легость	

„Если бы слова: лѣкарь, лѣченіе, лѣчебница дѣйствительно происходили отъ корня „lei“ и въ нихъ поэтому удерживалась бы буква i, т. е. получились бы слова: легкарь, легченіе, легчебница, то значеніе поставленныхъ выше словъ было бы совершенно извращено, а именно: лѣкарь значилъ бы коновалъ, производящій кастрацію у лошадей, лѣченіе—кастрированіе, лѣчебница — кастраціонное заведеніе. Вѣдь, это же — явный абсурдъ.

„Наконецъ, есть еще важное указаніе, это—малороссійскій языкъ, съ которымъ ты за пять лѣтъ жизни въ Кіевѣ, навѣрное, достаточно ознакомился. Почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскихъ словахъ слышится очень мягкое ie, а въ малороссійскомъ и, смѣло пиши по-русски ѣ. Примѣровъ можно набрать сколько угодно, а именно:

<i>По-малороссійски.</i>	<i>По-русски.</i>
Викъ	Вѣкъ
Свить	Свѣтъ
Смихъ	Смѣхъ
Хлибъ	Хлѣбъ
Видьма	Вѣдьма
Недиля	Недѣля
Ликарь	Лѣкарь
Витеръ	Вѣтеръ
Ричка	Рѣчка
Лисъ	Лѣсъ
Днипро и проч.	Днѣпръ и проч.“

Выслушавъ со вниманіемъ объясненія Тертія Ивановича и горячо поблагодаривъ его, какъ специалиста-филолога, Борисовъ попросилъ выслушать его, какъ специалиста-медика, и затѣмъ торжественно произнесъ: „Тертій, ты на плохой дорогѣ! Братъ-славянинъ, который ходитъ сюда и угощаетъ акимъ-то тайнымъ сладобъемъ, принесетъ тебѣ огромный вредъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что въ составъ тайныхъ средствъ всегда входитъ какой-нибудь сильный ядъ и притомъ въ дозахъ, не допускаемыхъ наукою; онъ болѣе менѣе быстро разрушаетъ организмъ и прежде всего ослабляетъ память, зрѣніе и вообще крайне вредно дѣйствуетъ на прочія функціи нервной системы. Брось ты своего славянина, обратись къ Боткину, онъ тебѣ поможетъ“.

Внушеніе Борисова произвело на Тертія Ивановича прямо ошеломляющее впечатлѣніе: онъ поблѣднѣлъ, всталъ молча, обнялъ и поцѣловалъ его, и затѣмъ они разстались.

Братъ-славянинъ исчезъ и больше не показывался, а Тертій Ивановичъ вскорѣ по-прежнему сталъ бодръ, привѣтливъ и уравновѣшенъ.

В. Мерцаловъ.

